

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ ТИТАНОВ

24

НА ПУТИ К ВОЙНЕ

28

30

Пакт Молотова—Риббентропа

Победа на Халхин-Голе

42

Начало Второй Мировой войны

46

Советско-финская война 1939—1940 годов

50

СОДЕРЖАНИЕ

Реформирование
и перевооружение
Красной Армии

Рождение
плана «Барбаросса»

«Но разведка доложила точно!»

Последний мирный месяц

21 июня 1941 года

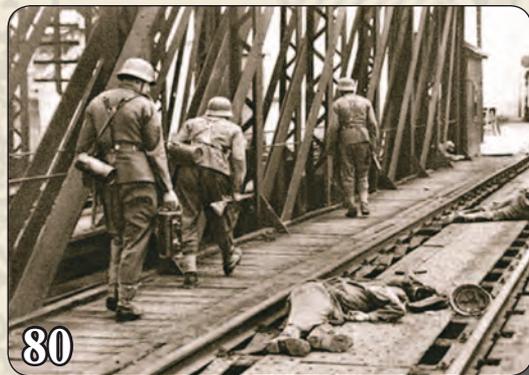
СОДЕРЖАНИЕ

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

60

Действия немецких
диверсантов

Начало вторжения

Силы сторон

Первые танковые бои

Брестская крепость

СОДЕРЖАНИЕ

96

«Нам объявили,
что началась война...»

Сражение в воздухе

102

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

106

108

Танковые бои

Сдача Гродно

110

СОДЕРЖАНИЕ

118

Прорыв частей Западного фронта из окружения

Потеря Минска

122

Итоги Приграничного сражения

124

ПЕРВОЕ ВОЕННОЕ ЛЕТО

126

130

Стабилизация линии фронта под Смоленском

Сражение за Могилев

132

СОДЕРЖАНИЕ

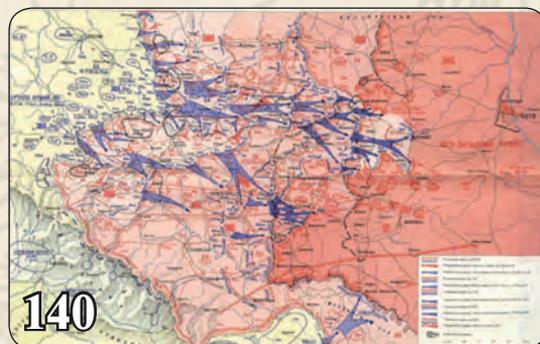
Действия высшего
руководства СССР

Мобилизация

Суд над руководителями
Западного фронта

Обстановка на фронтах

Сражение за Смоленск

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОРОНА КИЕВА

148

Бои на ближних подступах к Киеву

Бои на Линии Сталина

Киевский «котел»

БИТВА ЗА МОСКВУ

180

Подготовка
Москвы к обороне

Разгром Брянского фронта и Вяземский «котел»

СОДЕРЖАНИЕ

192

Можайская линия обороны

198

Москва на осадном положении

202

Ноябрьское наступление немцев на Москву

Итоги
Битвы
за Москву

220

СОДЕРЖАНИЕ

«РЖЕВСКАЯ МЯСОРУБКА»

224

Ржевско-Вяземская
наступательная операция
1942 года

Операция «Зейдлиц»

ОБОРОНА ОДЕССЫ И СЕВАСТОПОЛЯ

238

Сражение за Одессу

Первый штурм
Севастополя

СОДЕРЖАНИЕ

Катастрофа Крымского фронта

Второй штурм Севастополя

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД 270

Лужский рубеж

Начало блокады

Таллинский переход

В кольце блокады

СОДЕРЖАНИЕ

292

Невский пяточок

294

Тихвинская и Любанская наступательные операции

298

Предательство генерал-лейтенанта А.А. Власова

Гибель 2-й ударной армии

300

304

Бои на Ладожском озере

БИТВА ЗА АРКТИКУ

306

Война в Заполярье

308

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ

316

318

Красная армия наступает

Катастрофа под Харьковом

326

Летнее сражение за Ржев

330

Операция «Марс»

340

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

348

350

План операция «Блау»

Приказ
«Ни шагу назад!»

ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА

№ 227
«28» июля 1942 г.
г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, истребляет и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся в Сталинград, в Волге, хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил

352

СОДЕРЖАНИЕ

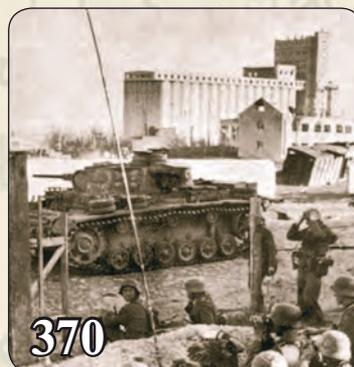

На подступах
к Сталинграду

Бомбардировка
23 августа

Первый штурм города

Второй штурм города

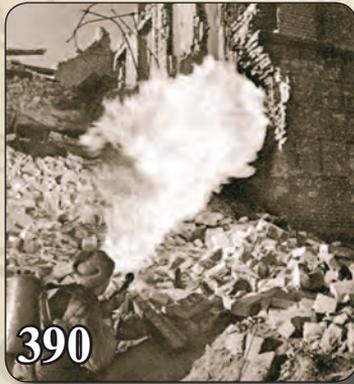

Третий штурм города

Последние наступление
немцев

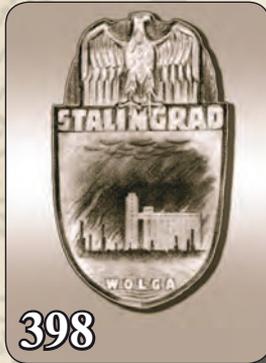
СОДЕРЖАНИЕ

Операция «Уран»

Разгром 6-й
армии Паулюса

Итоги Сталинградской битвы

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

400

Зима 1942—1943 гг.

БИТВА ЗА КАВКАЗ

408

Цель — нефть

СОДЕРЖАНИЕ

422

Сражения за перевалы

Кубанский плацдарм

428

КУРСКАЯ БИТВА

436

438

Формирование
Курского выступа

Планы сторон

448

454

Операция «Цитадель»

Операция «Кутузов»

472

474

Операция
«Полководец Румянцев»

СОДЕРЖАНИЕ

БИТВА ЗА УКРАИНУ

482

Сентябрь 1943-го

484

Днепровская воздушно-десантная операция

488

Освобождение Киева

490

Корсунь-Шевченковская операция

492

Освобождение Западной Украины

500

СОДЕРЖАНИЕ

СНЯТИЕ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

502

504

Новый план

510

Выход Финляндии
из Второй Мировой войны

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЫМА

514

516

Наступление
Красной Армии

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

522

524

Яско-Кишиневская операция

528

Освобождение
Югославии

СОДЕРЖАНИЕ

532

Сражение за Будапешт

544

Сражение у озера Балатон и взятие Вены

548

Освобождение Чехословакии

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ И ПРИБАЛТИКИ

554

556

Лето 1944-го

Операция «Багратион»

560

580

Освобождение Прибалтики

СОДЕРЖАНИЕ

БИТВА ЗА ГЕРМАНИЮ

584

Висло-Одерская
операция

Красноармейцы
и мирное немецкое
население

Операция
«Солнцестояние»

Штурм Кенигсберга

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНА

626

В шаге от Победы

Зееловские высоты

СОДЕРЖАНИЕ

646

**Знамя Победы
над Рейхстагом**

Последний штурм

656

Агония Третьего Рейха

656

ЧЕРЕЗ ГОБИ И ХИНГАН

666

**На Дальний
Восток**

668

672

Маньчжурская операция

СОДЕРЖАНИЕ

Курильская десантная операция

ЦЕНА ПОБЕДЫ 692

Сталин как
Верховный
главнокомандующий

Гитлер как полководец

Лучший полководец
Великой Отечественной

Потери в Великой
Отечественной войне

ВРЕМЯ ТИТАНОВ

В российской истории Великая Отечественная война 1941–1945 годов навсегда останется временем титанов. Те люди, что отстаивали свободу и независимость нашей Родины, были титанами, пусть даже они не осознавали себя таковыми. Большое, как известно, видится на расстоянии, и сейчас, спустя семь десятилетий, мы можем по достоинству оценить подвиг своих отцов, дедов и прадедов. Тем не менее нам трудно представить реалии столкновения миллионных армий индустриальной эпохи, когда развитие военных технологий достигло невиданных ранее высот, а их применение на поле боя – колоссальных масштабов. В начале XXI века, несмотря на продолжающийся прогресс в разработке средств разрушения, вооруженные конфликты, к счастью, носят ограниченный характер. Бойцы и командиры Красной Армии, напротив, жили в условиях постоянной смертельной опасности, когда гибель боевых товарищей превращалась в обыденность. Никто не мог считать себя в абсолютной безопасности – ни генерал, ни рядовой, поскольку смерть могла подстергать везде и в любую минуту.

Устрашающие удары с воздуха даже по тыловым железнодорожным станциям, прилетавшие, казалось, из ниоткуда тяжелые артиллерийские снаряды, неожиданные взрывы установленных противником мин и «сюрпризов». Снайперы, ставшие «притчей во языцех» современных локальных войн, в боях Великой Отечественной были лишь одним из многих факторов, и далеко не самым значимым. Пуля, выпущенная из снайперской винтовки, терялась в ряду опасностей, где-то далеко за 100-килограммовыми снарядами тяжелых мортир и 500-килограммовыми авиабомбами. В гигантских сражениях на окружение мог попасть в «котел» и сгинуть бесследно и старый вояка с передовой, и штабист, и интендант, и военный строитель.

Великая Отечественная война продолжалась три года, десять месяцев, шестнадцать дней, двадцать часов и одну минуту. Или, по-другому, 46,5 месяца; 202,42 недели; 1418 дней; 34 032 часа; 2 041 920 минут. Однако на фронте состояние постоянной

смертельной опасности продолжалось, казалось, бесконечно, поскольку война с германским Вермахтом – сильнейшей армией мира, не была одномоментным, краткосрочным усилием воли, на которое способен практически каждый человек, а требовала длительной мобилизации всех физических и психологических сил на грани и за гранью возможного. Битва с немецкой военной машиной вновь и вновь заставляла преодолевать нечеловеческую усталость во имя новых боев, штурмов, рытья окопов и изматывающих пеших маршей. Подавляющее большинство солдат Великой Отечественной – это не танкисты и летчики, а пехотинцы, и гибли они гораздо чаще, чем представители других родов войск.

Многодневные марши становились неотъемлемой частью жизни бойцов. Иногда по грунтовым дорогам и бездорожью им приходилось проходить до шестидесяти-семидесяти километров в день. При этом кроме оружия пехотинцы должны были нести на себе шинель в скатке, вещмешок, противогаз, каску, саперную лопатку, полевую сумку и три-четыре подсумка с патронами. Несмотря на страшную усталость, даже в краткие периоды затишья между боями времени на сон у красноармейцев почти не оставалось – к рассвету нужно было успеть отрыть окопы, чтобы укрыться от града раскаленных осколков и свинцового ливня пулеметных трасс.

Именно рядовые бойцы и младшие командиры Красной Армии вынесли на своих плечах основной груз войны с гитлеровской Германией, разгромили казавшийся непобедимым Вермахт и взяли штурмом немецкую столицу. Однако нельзя сказать, что титанам Нового времени повезло с описанием их подвигов. Как удачно заметил еще в 1920-х годах советский историк М.Н. Покровский: *«История – это политика, опрокинутая в прошлое»*. В СССР Великая Отечественная война стала частью государственной идеологии, что неизбежно привело к определенной «лубочности» в ее описании. Уже 17 июля 1941 года, менее чем через месяц после немецкого вторжения, Генеральный штаб направил в действующую армию группы офицеров с целью изучения опыта первых отгремевших боев с Вер-

махтом. Очень быстро написание истории войны разделилось на два направления. С одной стороны, успехи советского оружия на фронте становились средством пропаганды, вселявшим уверенность в Победу. С другой — критический анализ прошедших боевых действий позволял в дальнейшем не повторять допущенных ранее ошибок, искать новые приемы и методы борьбы с врагом. Исходя из своих задач, первая категория литературы оказалась известна всем — брошюры с пропагандистской версией событий должны были быть доступны каждому гражданину Советского Союза. Вторая категория, напротив, оставалась доступной лишь узкому кругу военных профессионалов и публиковалась под грифом секретности.

В послевоенные годы, помимо пропагандистских целей, на облик широко-доступных работ, посвященных событиям 1941–1945 годов, большое влияние стали оказывать «полководческие» амбиции тех ее участников, кто в тот период занимал высокий пост в советской партийно-государственной иерархии. В угоду власти предрержавшим историки искусственно возвеличивали или же, наоборот, виртуозно затеняли те или иные события, что, естественно, не лучшим образом сказывалось на достоверности и объективности публикуемых книг и статей. К примеру, далеко не самый удачный эпизод Великой Отечественной — танковый контрудар под Прохоровкой превратился в переломный момент Курской битвы, поскольку советский лидер Н.С. Хрущев был членом Военного совета фронта на этом направлении, а значение одной из, безусловно, героических и заслуживающих внимания, но все же вполне рядовых страниц войны — обороны Малой Земли под Новороссийском было чересчур преувеличено, потому что армейским политработником, в воинском звании полковника, там воевал будущий Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев. По этому поводу в народе родились даже грустные анекдоты, в которых один ветеран войны говорил другому: «*Пока я защищал Малую Землю, ты отсиживался в Сталинграде*» или: «*Что такое Великая Отечественная война? — Локальный эпизод сражения на Малой Земле*». В брежневскую «Эпоху застоя», когда министром обороны СССР стал маршал А.А. Гречко, страна также довольно много узнала о Битве за Кавказ. В 1942–1943 годах новый глава военно-

го ведомства командовал армиями, которые сражались под Туапсе и Краснодаром. В итоге шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945», вышедшая в период пребывания у власти Хрущева, и двенадцатитомная «История второй мировой войны 1939–1945 гг.», увидевшая свет при его преемнике Брежневе, получились крайне идеологизированными, «лакированными» и неполными работами.

В советской исторической литературе умолчания и пропуски присутствовали в освещении всех периодов Великой Отечественной войны, различались, пожалуй, только причины появления этих «белых пятен». Так, период поражений 1941–1942 годов был описан лучше, чем вторая половина войны, из-за большего общественного интереса к нему. Если, рассказывая о периоде поражений, советские историки стремились «спрятать» некоторые из них, то при освещении победных для Красной Армии 1944–1945 годов предметом умолчания становились упущенные возможности и локальные успехи противника. Начисто из официальной летописи военных лет была вырвана одна из самых напряженных и кровопролитных страниц — многомесячное позиционное сражение за Ржев с основными силами немецкой группы армий «Центр» в 1942–1943 годах. Поэтому строчки знаменитого стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» после прочтения оставляли странное чувство. С одной стороны, Ржев интуитивно воспринимался как фронтовой город, но с другой — у подавляющего большинства советских граждан отсутствовали сведения о сколько-нибудь заметных боевых действиях, связанных с ним. На долгие годы скрыв Ржевскую битву от посторонних глаз, советские историки допустили непростительную ошибку как по отношению к людям, которые в ней участвовали, так и в отношении истории войны в целом.

Объективность, по крайней мере на уровне исторических знаний советского времени, сохраняли лишь недоступные для широкого круга читателей исследования и сборники документов, закрытые грифами «Секретно» и «ДСП» — «Для служебного пользования». Например, изданный в конце 1950-х годов четырехтомник «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», богатый статистическими материалами и нелицеприятными оценками тех или иных решений командиров и командующих. Книги, подобные «Операциям...», были ориентированы на

преподавателей и слушателей военных академий — будущих полководцев, которым требовалась максимально достоверная история побед и поражений Красной Армии. Они во многом опережали свое время и по стилистике близки к современным историческим исследованиям. Обычно закрытые работы не были перегружены «руководящей и направляющей ролью партии» и вполне достоверно описывали развитие событий в сражениях. Однако преимущественно учебные функции существенно снижали ценность этих книг как исторических работ. В первую очередь это касается практически полного забвения темы понесенных советскими войсками потерь. Между тем потери являются важнейшим критерием оценки интенсивности боевых действий, подготовки войск и правильности принятых командованием решений.

Другим серьезным минусом «грифованных» исторических работ является описание действий Вермахта, поскольку, как правило, оно основывалось исключительно на данных советской разведки, с неизбежными в боевой обстановке пропусками и промахами. Кроме того, до сих пор одной из проблем изучения начального периода войны остается плохая сохранность документов Красной Армии. О реальных подвигах наших пехотинцев, артиллеристов и танкистов зачастую приходится узнавать из немецких «кригстагебухов» (журналов боевых действий) и «гешихтов» (историй соединений). Однако в советское время обмену информацией на международном уровне, между бывшими противниками, препятствовала холодная война, между Советским Союзом и западным миром. При этом на Западе по каждой немецкой дивизии вышла книга с описанием ее боевого пути, зачастую написанная на основе архивных материалов. Западная историческая литература в СССР и советские закрытые работы за рубежом использовались специалистами по военной истории, но в крайне ограниченных объемах.

Закрытые грифами секретности военно-исторические исследования о Великой Отечественной были жизненно необходимой подпиткой для открытой, пусть и ориентированной на пропаганду литературы. К тому же эти книги писали те, кто не понаслышке знал о войне: встретивший 22 июня 1941 года под Брестом бывший начальник штаба 4-й армии Западного фронта генерал-полковник Л.М. Сандалов, бывший начальник штаба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор М.Д. Грецов и другие опытные штаби-

сты Красной Армии. Однако закрытость секретных и ДСПшных работ сыграла с ними и их авторами злую шутку, поскольку лишала общественного внимания и контроля. Это привело к тому, что в «эпоху застоя» ведение закрытых исследований по истории войны оказалось практически свернуто. Так, издание «Сборников боевых документов Великой Отечественной войны» было приостановлено на томе, рассказывающем о событиях октября 1941 года на Брянском фронте. В условиях закрытости архивов продолжение публикации этих сборников могло бы дать серьезный импульс научным исследованиям.

После распада Советского Союза наряду с касовыми фантастическими боевиками и дамскими романами отечественные читатели познакомились с еще одним популярным на западном книжном рынке жанром — разоблачением исторических «мифов». Под удар попали как прославленные военачальники, начиная с Маршала Победы Георгия Жукова, так и «народные герои» Александр Матросов и Зоя Космодемьянская. Однако наиболее ярким представителем этого направления стал «Ледокол» и другие книги, написанные под псевдонимом Виктор Суворов сбежавшим в Великобританию в разгар холодной войны, советским военным разведчиком В.Б. Резуном. Их основная идея заключается в том, что катастрофа 22 июня 1941 года произошла из-за того, что Сталин планировал захват европейских государств с целью установления в них коммунистического режима и Гитлер всего лишь на две-три недели упредил агрессию Красной Армии. После информационного вакуума советских лет и намеренного замалчивания трагедии первого периода войны теории, подобные изложенным на страницах книг Суворова, пустили глубокие корни в сознании читающей публики. Хотя на самом деле произведения бывшего разведчика и его последователей, сделавших себе имя на книгах со скандальными названиями и не менее скандальным содержанием, не что иное, как занимательные и талантливо выполненные мистификации. Все до единого «доказательства», на которые ссылаются авторы этих «исследований», при ближайшем рассмотрении похожи на карточные домики, рассыпающиеся от легкого прикосновения ветра.

Если в СССР существовали препятствия для работы с основными архивными документами по истории Великой Отечественной, хранящимися в Центральном архиве Министерства оборо-

ны в подмосковном Подольске, то сегодня, когда они практически устранены, движение исторической науки вперед становится все заметнее. Появился целый ряд книг о Курской битве, в которых детально описываются боевые действия одного из ключевых сражений Второй мировой войны, настоящая история которого до сих пор известна немногим. В нашей стране и даже на Западе о боях на Курском выступе судят обычно по мемуарам советских военачальников, «приглаженным» в соответствии с официальной версией. Однако ранее засекреченные документы, ставшие доступными для исследователей в последние годы, проливают свет на истинную картину героических и страшных боев жаркого лета 1943 года. Вязьма, Сталинград, Харьков, Севастополь, Керчь, Битва за Германию и взятие Берлина — все больше крупных сражений получили достойное современному уровню исторического знания освещение. Несколько лет назад в сети Интернет Министерством обороны были размещены электронные базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа», содержащие информацию о советских воинах, погибших, умерших и пропавших без вести в годы войны, а также информацию о наградах участников боевых действий.

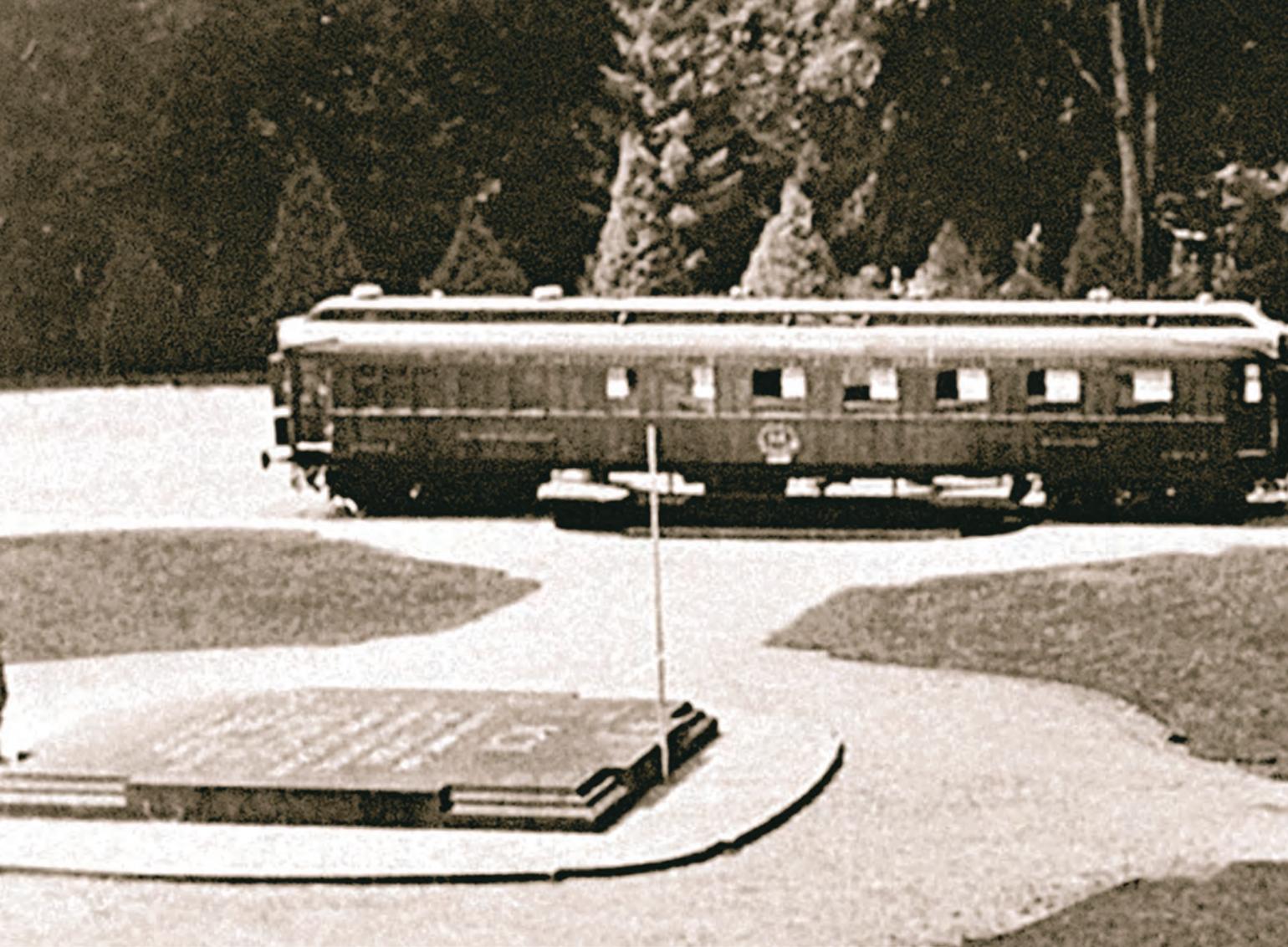
Вместе с тем реальные события времени титанов во многом продолжают оставаться «Неизвестной войной», в описании которой правда густо переплетена с вымыслом, а настоящие подвиги — с пропагандистскими выдумками. Регулярно история войны искажается в кино- и телефильмах, в том числе снятых на государственные средства и демонстрируемых в «прайм-тайм» по государственному телевидению, вроде эпических картин Никиты Михалкова «Предстояние» и «Цитадель», скандального фильма «Сволочи» и популярного у зрителей сериала «Штрафбат». В подобных лентах Красная Армия представляется в виде стада слабоумных солдат, уничтожаемого заградотрядами, звероподобными особистами и генералами. Свои на экране оказываются страшнее чужих — немцев. Если предположить, что у советских военачальников не было никакой моральной ответственности за доверенные им жизни, беречь людей имело смысл, исходя хотя бы из чисто практических соображений. Если дивизия, армия, фронт понесут большие потери сегодня, то с кем воевать завтра, освобождать новые города, получать ордена и расти по карьерной лестнице? Не делают погоды на общем фоне унылых и бессмысленных картин современного отечественного кинематографа о вой-

не даже такие несомненные творческие удачи, как «Звезда», «В августе 44-го...» и «Брестская крепость».

Тягостное впечатление производят также поощряемые на правительственном уровне манипуляции с историческими фактами и использование наработок гитлеровской пропаганды в странах Европы и некоторых бывших советских республиках, ставших независимыми государствами. В 2009 году парламентская ассамблея ОБСЕ — Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе — приняла специальную резолюцию, в которой Третий рейх и Советский Союз в равной степени обвинялись в развязывании Второй мировой войны. Однако не СССР бомбил Великобританию, Францию, Бельгию, Норвегию, Голландию, Польшу, Югославию, Грецию и другие государства, захватив пол-Европы, построил в покоренных странах концентрационные лагеря, где, по новейшим подсчетам, погибло около 7,5 миллиона человек. Показательными выглядят печально знаменитая кампания по демонтажу памятника Воину-освободителю в Таллине, шествия ветеранов латвийских формирований войск СС, установка в Латвии и Эстонии монументов эсэсовским карателям. Очевидно, что это прямой путь не к ревизии обстоятельств вхождения Прибалтики в состав Советского Союза в 1940 году, а к ревизии победы над Гитлером в 45-м.

* * *

Книга, которую вы держите в руках, — это не просто летопись сражений, решавших судьбу Великой Отечественной войны, а первая на сегодняшний день попытка написать деидологизированную, объективную и честную историю военных лет, по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные события и представить всю грандиозную панораму 1941–1945 годов во всем ее подлинном трагизме и величии. Благодаря приказу министра обороны Российской Федерации №181 от 8 мая 2007 года о рассекречивании документов Красной Армии и Военно-Морского Флота периода войны авторы получили возможность ознакомиться с целым рядом ценнейших архивных материалов, ранее не доступных для историков. Сопоставление советских данных с боевой документацией Вермахта, хранящейся в немецких и американских архивах, позволило создать целостную картину беспримерного в человеческой истории военного противостояния, унесшего десятки миллионов жизней и надолго определившего судьбы мира, в котором наша Родина смогла выстоять и одержать Великую Победу.

История договора между Советским Союзом и Третьим рейхом, известного под названием пакт Молотова–Риббентропа, началась за несколько лет до даты его подписания – 23 августа 1939 года.

16 марта 1935 года, спустя два года после прихода к власти Гитлера, в Германии был принят «Закон о создании вооружённых сил» – «Gesetz über den Aufbau der Wehrmacht». Исторически словом «Вермахт» (*Wehr* – «оружие, оборона, сопротивление» и *Macht* – «сила, мощь; власть, влияние», «войско») в немецкоязычных государствах обозначались вооружённые силы любой страны. Вермахт Третьего рейха состоял из сухопутных войск (*Heer*), военно-морского флота (*Kriegsmarine*) и военно-воздушных сил (*Luftwaffe*), во главе которых стояли соответствующие органы управления – Верховные командования.

НА ПУТИ К ВОЙНЕ

Церемониальный марш войск Вермахта в Компьене во время подписания Францией капитуляции. 22 июня 1940 г. В центре – исторический железнодорожный вагон, в котором было подписано первое Компьенское перемирие, зафиксировавшее поражение Германии в Первой мировой войне

ПАКТ МОЛОВОТА- РИББЕНТРОПА

Немецкие войска вступают в Париж.
14 июня 1940 г.

В сентябре 1935 года в районе Киева свои масштабные маневры проводила Рабоче-Крестьянская Красная Армия. На учениях советских войск присутствовали британская, французская и чехословацкая делегации. Несмотря на целый ряд скептических отзывов иностранцев (особенно о тактике красноармейцев), в целом РККА произвела на них благоприятное впечатление. Советский Союз демонстрировал своим новым союзникам ценность своей армии в качестве силы для поддержания стабильности на европейском континенте. Появилась возможность на фоне усиления Германии создать коалицию противостоящих ей государств, испугать повторением сценария Первой мировой войны, когда она была вынуждена вести войну на два фронта. Поэтому взгляд французских и чехословацких руководителей обратился в сторону Советского Союза, в результате чего был заключен договор о взаимопомощи между СССР, Францией и Чехословакией.

Политическая обстановка в Европе начала накаляться весной 1938 года. В ночь на 12 марта на территорию Австрии были введены немецкие войска, но объединение – аншлюс двух государств – прошло без эксцессов. Австриец Йозеф Виммер вспоминал: «Ввод немецких войск прошел спокойно. Тогда в стране была колоссальная безработица, и с приходом немцев мы надеялись получить работу». Вторая по величине немецкоговорящая страна и «малая родина» Гитлера фактически стала одной из земель Германии и, что самое главное, источником солдат и офицеров для германских вооруженных сил. Так, 45-я пехотная дивизия Вермахта (*45. Infanterie-Division*), первой вошедшая в Варшаву в сентябре 1939 года и в Париж в июне 40-го, а через год штурмовавшая советскую Брестскую крепость, была перестроена из 4-й венской дивизии австрийской армии.

Британцы всерьез опасались Большой войны. Первые бомбы с немецких дирижаблей упали на Лондон еще в разгар Первой мировой в 1916 году. За двадцать лет техника воздушных ударов шагнула далеко вперед, и все это время в Великобритании нагнеталась истерия относительно их эффективности. Действительно, ужасными возможными бомбардировками делало химическое оружие. В 1934 году Уинстон Черчилль оценивал потери от первых десяти дней бомбардировок Лондона и окрестностей в 30–40 тысяч человек. Будущего британского премьер-министра и министра обороны уж точно трудно назвать трусом и паникером. Подсчеты 1936 года показывали, что за те же десять дней погибнут 150 тысяч лондонцев. В этой ситуации готовность противовоздушной обороны Туманного Альбиона приобрела важнейшее значение. Однако истребительная авиация Королевских ВВС пока еще была далека от идеала как количественно, так и качественно. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен все это знал и считал силовое решение возникшего в сентябре 1938 года Чехословацкого кризиса далеко не лучшим вариантом. Как сильный и энергичный политик, он также фактически подмял под себя французского премьера Эдуара Даладье. Политика Франции следовала в кильватере политики Великобритании. Французское общество, как и британское, находилось под влиянием тяжелых потерь в Первой мировой войне и без энтузиазма относилось к перспективе нового вооруженного противостояния в Европе.

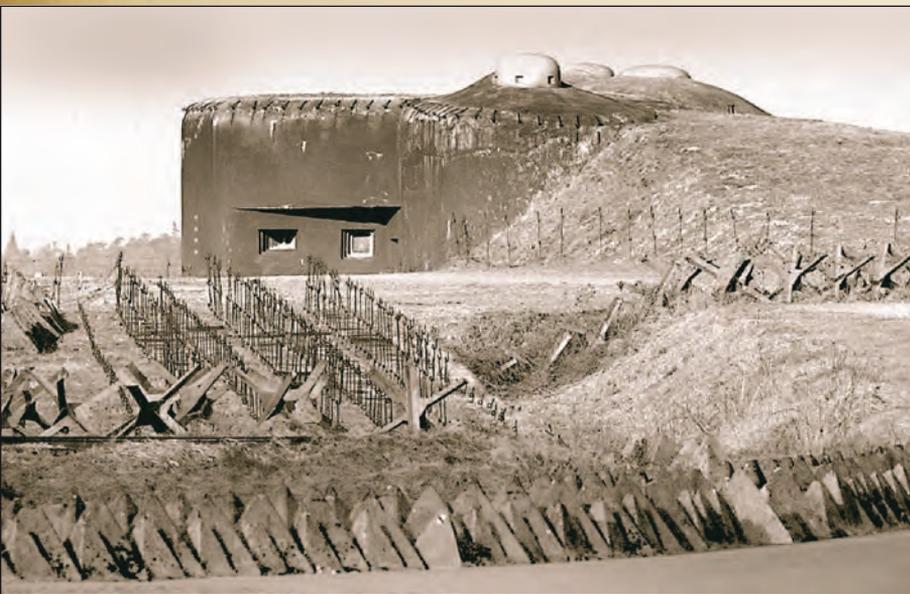
Формальным поводом для конфликта Германии с Чехословакией послужили столкновения между так называемыми судетскими немцами и чехословацкими властями. Однако «*воссоединение германской нации*» было лишь лежащей на поверхности причиной интереса

Гитлера к Судетам. Независимое и сильное в экономическом и военном отношениях чехословацкое государство серьезно беспокоило немецких стратегов, поскольку могло стать удобным плацдармом для бомбардировок южной части Германии. Подписанный в 1935 году

Немецкие полицейские маршируют по улице тирольского городка Имст во время аншлюса Австрии. 1938 г.

Исполинский символ достижений Советского Союза – самый большой в мире самолет АНТ-20 «Максим Горький» в сопровождении пары истребителей И-5 над Красной площадью во время парада. 7 ноября 1934 г.

Бункер чехословацкой линии укрепления в Судетах, так называемой линии Бенеша. 1938 г.

договор между Францией, Чехословакией и СССР делал эту угрозу вполне реальной. Также Гитлера интересовал развитый военно-промышленный комплекс соседа. Поэтому на ниве политической немцы всячески раздували судетский вопрос, а на ниве военной готовили план вторжения в Чехословакию, который получил кодовое наименование «Грюн» («*Grün*»). Идея этой операции была проста: максимальная концентрация германских вооруженных сил против Чехословакии и молниеносный разгром ее армии.

Стремление сохранить мир любой ценой привело британского и французского премьеров Чемберлена и Даладьё к шагам навстречу Гитлеру. В сентябре 1938 года они вместо

союзнической поддержки в ультимативной форме убеждали правительство Эдварда Бенеша передать Судетскую область Германии. Однако страхи одних и планы других до поры до времени были скрыты от посторонних глаз. Впоследствии это привело к рождению теорий о «направлении агрессии на Восток» и многих других. Так или иначе, в публичной политике действовали заключенные ранее договоры. Обострение обстановки вокруг Чехословакии вызвало соответствующую реакцию. В Советском Союзе были отобилизованы 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий. В боевую готовность была приведена авиация. Руководство СССР считало необходимым безукоризненно выполнять взятые на себя военные обязательства. Так, в 1914 году мобилизация Русской Императорской армии стала одним из знаковых событий, предшествовавших началу Первой мировой войны. Естественно, Сталин не знал, с каким багажом 28 сентября 1938 года в Мюнхен вылетел самолет с Чемберленом на борту. Багаж из страха бомбардировок и собственного тщеславия британского премьера представлял собой гремучую смесь. К тому же скоро ему предстояло идти на выборы. Государственный деятель, не добившийся разрешения кризисной ситуации, в мгновение ока мог стать «политическим трупом». Чемберлену было 68 лет, и второй шанс совершить что-то великое в международных делах ему вряд ли мог представиться.

В столице Баварии Гитлер с ходу заявил о необходимости немедленного разрешения возникшего кризиса. В противном случае немецкий лидер угрожал применить силу уже 1 октября. Чемберлена и его французского коллегу Даладьё фюрер элементарно переиграл. Ни советская, ни чехословацкая делегации на встрече не присутствовали. Фактически Чехословакия была отдана за обещание Гитлера остановить на воссоединении с судетскими немцами экспансию Германии. При этом был создан опасный прецедент – свои претензии

Рукопожатие польского маршала Эдварда Рыдз-Смиглы и немецкого военного атташе генерал-майора Богислава фон Штудница на параде «Дня независимости» в Варшаве 11 ноября 1938 г. Парад особо привязывался к захвату Войском Польским месяцем ранее чешской Тешинской Силезии

на этнически неоднородные чехословацкие территории последовательно предъявили Польша и Венгрия. Оказавшись в международной изоляции, чехи были вынуждены уступить. Также объявила о своей независимости Словакия. Однако хуже всего было то, что в результате Мюнхенского соглашения чешская армия потеряла свои пограничные укрепления. Без них соотношение сил войск Чехии и Германии не давало никакого шанса на удержание своей территории. Финалом стало поглощение Третьим рейхом оставшегося от Чехословакии «огрызка» в марте 1939 года.

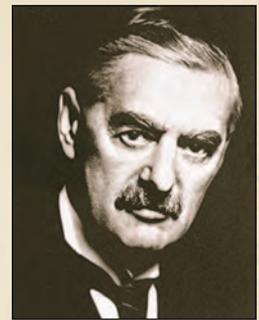
Сейчас Мюнхенское соглашение на Западе достаточно объективно оценивается как провал дипломатии и политики Великобритании и Франции, лишь в некоторой степени оправдываемый соображениями военного свойства. Более того, в западном политическом лексиконе слово «Мюнхен» стало именем нарицательным, синонимом капитуляции и провала. Уже в ходе Второй мировой войны выяснилось, что возможности немецких вооруженных сил были сильно переоценены. Люфтваффе в сентябре 1938 года не обладали той мощью, которую гитлеровским ВВС приписывали в Лондоне. Цифра потерь в 160 тысяч человек погибших в результате бомбардировок не была превышена даже за пять лет войны Великобритании с Третьим рейхом. С другой стороны, Мюнхенский сговор дал британцам лишний год на подготовку к войне. Благодаря этому к лету 1940 года, когда началась легендарная Битва за Британию, противовоздушная оборона Туманного Альбиона стала для немецких летчиков «крепким орешком».

Однако помимо преимуществ с оттягиванием войны и образовавшейся в связи с этим паузой на перевооружение Мюнхен принес политические и военные убытки. Во-первых, военный и экономический потенциал Чехословакии фактически был подарен Гитлеру. Во-вторых,

Советский нарком иностранных дел В.М. Молотов на приеме у Адольфа Гитлера в рейхсканцелярии. 13 ноября 1940 года. В качестве переводчика выступает немецкий дипломат Густав Хильгер. На заднем плане – немецкий дипломат Вальтер Хевель (слева) и начальник штаба Верховного главнокомандования Вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (справа)

фюрер укрепился в своем мнении о политиках демократических стран как «червяках». В-третьих, следствием мартовских событий 1939 года стал вопрос о «косвенной агрессии», ставший одним из камней преткновения на будущих переговорах с Москвой. Наконец последнее и самое главное с точки зрения истории пакта Молотова–Риббентропа – в глазах советского руководства доверие к Великобритании и Франции как к потенциальным союзникам СССР оказалось серьезно подорвано.

События марта 1938 года, знаменовавшие собой провал политики Чемберлена в Мюнхене, заставили принять срочные меры. 31 марта свои односторонние гарантии Польше дала Великобритания, несколько позже к ним присоединилась Франция. 13 и 14 апреля такие же односторонние гарантии были даны Турции, Греции и Румынии. Формулировка была вида: «Французское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать ему (правительству страны. – Прим. авт.) всю помощь, которая в его силах». Уже 14 апреля советскому полномочному представителю в Лондоне И.В. Майскому британским министром иностранных дел Галифаксом было прямо сказано: «Не считало ли бы Советское правительство возможным дать, как это сделали Англия и Франция в отношении Греции и Румынии, одновременную гарантию Польше и Румынии». Почти идентичное предложение в Париже получил полпред Я.З. Суриц. Формулировка, правда, была немного иная. Французы предлагали договориться о том, что «в случае, если бы Франция оказалась в состоянии войны с Германией вследствие помощи,

Премьер-министр Великобритании в 1937–1940 годах Невилл Чемберлен (1869–1940). Он был младшим братом в семье и всю жизнь мечтал сделать что-то исключительное, превосходящее достижения других Чемберленов. Очередной политический кризис в Европе был для британского премьера как нельзя кстати

Дети дарят цветы бойцам Красной Армии во время парада в Кишиневе по случаю вхождения Бессарабии в состав СССР. Июль 1940 г.

которую она предоставила бы Польше или Румынии, СССР оказал бы ей немедленную помощь и поддержку».

Помимо обращения к советским полпредам на следующий день, 15 апреля, последовал демарш посла Великобритании в Москве. Посол Сидс встретился с Литвиновым и прямо задал вопрос: «Согласно ли Советское правительство сделать публичное заявление?» Так СССР недвусмысленно предложили присоединиться к гарантиям на случай агрессии Третьего рейха. В ответ 17 апреля было сформулировано советское предложение о заключении договора. Подписание многосторонних политических, а тем более военных союзов было на тот момент практически исключено. Поэтому наиболее реалистичным вариантом было соглашение между ведущими европейскими державами с предоставлением гарантий осколкам рухнувших империй и другим государствам. Союзников устраивали декларации, а Советский Союз хотел формального договора. Более того, Сталин в первую очередь был заинтересован в гарантиях Прибалтике. В Латвии, Литве и Эстонии проживало немало этнических немцев, и советское руководство не исключало развития событий по чехословацкой модели марта 1939 года – капитуляции государства под угрозой применения военной силы. Такой сценарий получил наименование «косвенной агрессии». Ввод немецких войск в прибалтийские страны привел бы к образованию опасного для Советского Союза плацдарма в двух шагах от Ленинграда, создавая угрозу не просто «колыбели революции», а

важному центру военной промышленности и возможности захвата морских «ворот» СССР. В отличие от прямого военного вторжения подобная «косвенная агрессия» требовала выверенных и точных формулировок договора о взаимопомощи.

Усложнялась ситуация также взаимным недоверием сторон. У СССР перед глазами был Мюнхенский сговор. Союзники же слишком хорошо помнили звучавшие еще не так давно из уст советских лидеров слова о Мировой революции и не исключали, что сам Сталин может стать инициатором «косвенной агрессии». У России имелся отрицательный опыт 1915 года, когда страна попала под главный удар немецких войск, потеряла большую территорию, но крупного наступления на Западном фронте, несмотря на заранее достигнутые договоренности об использовании войск, так и не дождалась. Летом 1939 года СССР предлагалось ввязываться в войну, не имея вообще никаких твердых обязательств со стороны союзников. В 1942 году, во время визита британского премьер-министра Уинстона Черчилля в Москву, Сталин сказал ему: «Английское и французское правительства и не думали воевать в случае нападения на Польшу, а больше надеялись на то, что дипломатическое единство Англии, Франции и России отпугнут Гитлера. Мы были уверены, что оно его не напугает». Другими словами, советское руководство в 1939 году было уверено, что нужно будет воевать. Естественно, публично признавать за собой прагматичную и со всех сторон обоснованную «позицию войны» было не слишком удобно. Как бы то ни было, война приносит народу жертвы и страдания. Даже если она сравнительно короткая и победоносная. Поэтому говорить на всю страну «мы хотели для вас скорой войны» было бы неразумно. Все это породило замысловатую легенду о вселенском заговоре изоляции Советского Союза, которая предлагалась в качестве официальной советской позиции в послевоенные годы. Она была удобна в период «холодной войны»: тогдашние противники СССР дополнительно демонизировались.

Еще одним фактором были события на Дальнем Востоке. Британцы и французы не хотели и слышать о них. Советский Союз, соответственно, не настаивал. Для того чтобы понять, какого масштаба была эта уступка, достаточно сказать, что в июле 1939 года уже гремели бои на

Баин-Цагане, на реке Халхин-Гол. Более того, советский разведчик Рихард Зорге докладывал из Токио: «Переговоры между Германией, Италией и Японией о военном пакте продолжают. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР. В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии». В этой связи нельзя сказать, что советское руководство проявляло твердость и заняло на переговорах негибкую позицию. Выдвигались достаточно реалистичные требования. Решение проблем СССР на Дальнем Востоке союзникам не навязывалось, хотя, вступая в европейскую войну, Советский Союз в тот момент автоматически получал второй фронт с Японией.

Таковы были стартовые позиции сторон, когда начался обратный отсчет дней и недель до заключения пакта Молотова–Риббентропа. Нельзя сказать, что в тот момент его заключение было предопределено. На какое-то время Советский Союз занял одно из центральных мест в европейской политике. Сталин постарался к этому подготовиться соответствующим образом. 1 мая 1939 года наркома иностранных дел Литвинова можно было видеть во время парада на Красной площади на трибуне Мавзолея недалеко от Сталина. Утром 3 мая он принял британского посла Уильяма Сидса. Даже самый проницательный сове-

толог и кремленолог вряд ли бы заподозрил что-то неладное. Но вечером того же дня Президиум Верховного Совета СССР издал указ о назначении В.М. Молотова на пост народного комиссара иностранных дел с сохранением за ним поста председателя Совнаркома. Часто отставку еврея по национальности Литвинова и назначение вместо него русского Молотова, расценивают как шаг в сторону Германии. Однако назначение Молотова имело более широкий смысл, поскольку символизировало готовность советского руководства начинать переговоры «с чистого листа». За Литвиновым были взяты ранее на себя обязательства, у Молотова такого дипломатического груза не было.

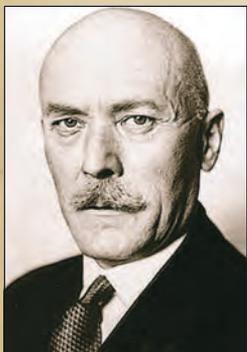
В мае 1939 года у СССР и Третьего рейха не было никакого желания идти на какие-либо переговоры друг с другом. Германский посол в Москве граф Вернер фон дер Шуленбург уже 20 мая получил резкую отповедь от только что назначенного наркома иностранных дел Молотова: «У нас создается впечатление, что германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; для такой игры следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не правительство СССР». Интерес двух держав к сближению и заключению политических соглашений на тот момент был нулевой. Более того, 28 июня Гитлер даже дал фон дер Шуленбургу указание сообщить советской стороне о том,

«Второй человек после Сталина» – председатель Совета народных комиссаров СССР (1930-1941) и министр иностранных дел СССР в 1939-1949 В.М. Молотов (1890-1986). В 1915 году молодой большевик сменил свою «родную» фамилию Скрябин на партийный псевдоним

Немецкий тяжелый истребитель «Мессершмитт Вф. 110» из 6./ZG 76 (раскраска «акуля пасть») в небе над Ла-Маншем во время Битвы за Британию. Август 1940 г.

**Немецкий посол в
Москве граф
Вернер фон дер
Шуленбург
(1875–1944).
В 1944 году он
станет участником
неудавшегося поку-
шения на Гитлера и
будет повешен**

что «мы не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией». Какие-то реверансы в сторону СССР в этот период являлись исключительно собственной инициативой посла. Фон дер Шуленбург был представителем старой школы немецкой дипломатии, стоявшей за мирное сосуществование с Советским Союзом, несмотря на все идеологические противоречия между национал-социалистами и коммунистами.

Инициатива начала переговоров между СССР и Германией была за немецкой стороной. Иногда в качестве приглашения Гитлера к диалогу называют речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б), принесенная им 10 марта 1939 года, в которой довольно резко оценивалась политика Великобритании и Франции. Однако это вовсе не означало, что советским лидером была проявлена благосклонность к Германии. Наоборот, Третий рейх, Япония и Италия в сталинском докладе прямо назывались «блоком агрессивных государств». Впоследствии чиновник немецкого Министерства иностранных дел доктор Юлиус Шнурре уверенно заявлял, что в конце июля 39-го года Гитлер решил «проявить инициативу в отношении Советского Союза». Ему вторит советник германского посольства Густав Хильгер, утверждая, что тогда же фюрер захотел «взять на себя инициативу в налаживании взаимопонимания с русскими». 26 июля Шнурре по поручению своего шефа Иоахима фон Риббентропа пригласил временного поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова и заместителя советского торгового представителя Е.И. Бабарина на дружеский ужин в берлинский ресторан «Эвест», где впервые заговорил о возможности заключения договора между двумя государствами. Позиция советского руководства была однозначной – никаких шагов навстречу немцам. В телеграмме, отправленной Астахову 28 июля, Молотов был краток: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно».

Каковы же были побудительные мотивы немцев? 30 июля 1939 года статс-секретарь германского Министерства иностранных дел Эрнст фон Вайцзеккер записал в своем дневнике: «Этим летом решение о войне и мире хотят у нас поставить в зависимость от того, приведут ли неоконченные переговоры в Москве к

вступлению России в коалицию западных держав. Если этого не случится, то депрессия у них будет настолько большой, что мы сможем позволить себе в отношении Польши все, что угодно». Таким образом, немцы также рассчитывали на психологический эффект, а не на наличие или отсутствие военной силы СССР на весах войны и мира как таковой. Однако на тот момент ответом Астахова и Молотова было гробовое молчание. Сам Вайцзеккер тогда оценивал перспективы демарша немецкой дипломатии как весьма туманные. От Советского Союза немцам требовалось простое бездействие. Причем в качестве «бонуса» они могли договориться об урегулировании отношений с Японией через связанную с ней «антикоминтерновским пактом» Германию.

Так или иначе, пока еще формальные шаги навстречу военному соглашению СССР и западных союзников были сделаны. Британская и французская военные миссии довольно долго «укладывали чемоданы». Только 5 августа они, наконец, отправились в Советский Союз на старом товарно-пассажирском пароходе «Сити оф Экзетер» («*City of Exeter*»). Путешествие до Ленинграда заняло почти неделю. Переговоры в Москве явно рассматривались союзниками как вспомогательная мера, ради которой жалко было рисковать даже одним крейсером. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война стоила Королевскому флоту многих потопленных крейсеров всех типов. Впрочем, отнюдь не долгое ожидание стало причиной неудачи англо-франко-советских переговоров. Хотя именно 11 августа, в день приезда британцев и французов в Москву, полпреду Астахову в Берлине было дано указание ответить согласием на ведение с немцами пока еще экономических переговоров. Самым большим разочарованием стали сами переговоры. Дело было даже не в полномочиях и не в составе делегаций. Руководитель британской военной миссии адмирал Реджинальд Дракс прямо сказал уже в первый день переговоров 12 августа: «У нас, конечно, имеется план, но разработанный в общих чертах; так как выезд миссии был поспешный, точно выработанного плана не имеется». Советская сторона подготовила развернутый военный план действий уже 4 августа.

На следующий день, 13 августа, прозвучало еще более убийственное признание. Глава французской военной миссии генерал Жозеф

Думенк ответил на вопрос о военных планах в отношении Польши: *«Лично мне не известны точные цифры войск, какие должна выставить Польша. Все, что я знаю, это то, что главнокомандующий польской армии обязан оказать нам помощь всеми имеющимися у него силами»*. Далее Думенк закрыл эту тему и перешел к следующему вопросу. Так советская военная миссия получила признание союзников о том, что и в случае Польши четких планов взаимодействия нет. При этом соглашение британцев и французов с поляками существовало уже достаточно давно. Как должны были быть сформулированы военные соглашения, советскому руководству объяснять было не надо. Примеры достались еще от Российской империи. Так, в протоколе совещания начальников штабов России и Франции, генералов Я.Г. Жилинского и Огюста Дюбайля, в августе 1911 года говорилось: *«Оба начальника генеральных штабов объявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Они, наоборот, утверждают, что для русских и французских армий является безусловной необходимостью предпринять энергичное наступление и насколько возможно одновременное»*. Более того, вполне определенно указывались сроки перехода в наступление: *«Французская армия на 12-й день мобилизации уже будет готова предпринять наступление против Германии, с помощью английской армии на их левом крыле»*. Ничего подобного на переговорах в Москве ни Драксом, ни Думенком предложено не было.

Следует сказать несколько слов о «войне на два фронта», которая якобы сама по себе, без дополнительных условий, обеспечивала поражение Третьего рейха. При этом забывается, что два фронта разделены пространственно и переброски войск между ними практически исключены. В то же время воюющая на два фронта, а следовательно, занимающая центральное положение держава может перебрасывать свои войска по внутренним линиям. Все это делает результат абстрактной войны на два фронта отнюдь не очевидным. К примеру, по крайней мере в двух войнах – 1967 и 1973 годов – противники Израиля обеспечили ему два фронта, что не помешало израильтянам последовательно громить своих врагов, умело маневрируя между Синаем и Голанскими вы-

сотах. Более того, коалиционная стратегия арабских армий вынуждала их наступать даже в невыгодных условиях.

Глава советской военной миссии народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов, а тем более начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников прекрасно понимали, что с таким состоянием дел в области военного планирования, какое в ходе переговоров обнаружилось у союзников, война на два фронта вовсе не гарантирует успеха коалиции. На этом этапе переговоры можно было бы и заканчивать. Но советская сторона предприняла попытку добиться соглашения о коридорах через Польшу для пропуска войск, поскольку границы между Германией и СССР в тот момент не существовало. Коридоры запрашивались далеко на периферии Польши – так называемый «Виленский коридор» на северо-востоке и коридор через Галицию на юго-востоке. «Виленский коридор» проходил даже не по исконным польским землям, поскольку Вильно (до 1919 года и после 1939-го – Вильнюс) – столица Литвы.

Нацистский флаг над одной из улиц Парижа. 1940 год

Панорама пожара в портовой части Лондона после первого массированного налета бомбардировщиков Люфтваффе. 7 сентября 1940 г. На заднем плане – знаменитый Тауэрский мост, один из символов Великобритании

Эта бывшая территория Российской империи была захвачена Польшей в «смутное время» Гражданской войны. Однако даже предложение советской стороны пройти по «Виленскому коридору» и ударить по известной своими сильными укреплениями Восточной Пруссии не вызвало понимания у западных союзников. Хотя предложение советской стороны было достаточно весомым и серьезным. В 1914 году в борьбе за Восточную Пруссию погибла восьмидесятитысячная армия генерала А.В. Самсонова. Тем самым СССР фактически обещал заплатить за общее дело разгрома Германии немалую цену кровью.

Инициатива последнего даже не шага, а прыжка к пакту Молотова–Риббентропа принадлежала немцам. Резкий толчок развитию событий дала адресованная лично Сталину телеграмма Гитлера, переданная 21 августа. Фюрер прямо заявил, что *«является целесообразным не терять времени. Поэтому я предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Он имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия»*. Ответ из Москвы последовал по дипломатическим меркам молниеносно – через два часа. Сталин ответил: *«Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву господина Риббентропа 23 августа»*. Прибытие в Москву немецкой делегации со-

ветское руководство попробовало использовать в последней попытке реанимировать переговоры с западными военными миссиями. Видимо, еще теплилась надежда на то, что план действий у союзников есть, но его скрывают от советской стороны. Однако эти надежды быстро развеялись как дым. Наркому обороны К.Е. Ворошилову лишь осталось выразить сожаление о неудаче переговоров. При этом условия приема военных миссий и германской делегации существенно различались. Почти полсотни человек свиты министра иностранных дел Третьего рейха с трудом разместились в бывшем посольстве Австрии, доставшемся немецким дипломатам «по наследству», после аншлюса 1938 года. Напротив, англо-французскую делегацию поселили в одной из лучших московских гостиниц.

Еще одной черточкой, характеризующей отношение Сталина к договору с Германией, стала процедура его подписания. Договор подписали в том же кабинете, в котором шли переговоры. Никакой пышной церемонии не было. Следует сказать, что текст договора о ненападении в целом соответствовал предложенному советской стороной варианту. Секретный дополнительный протокол был предложен немецкой стороной. Вообще говоря, в первый раз слова о дополнительном протоколе появились в ходе немецкого зондажа еще в июле 1939 года. Тогда он предлагался как дополнение к

экономическому соглашению. В секретном до-полнительном протоколе в сферу интересов Советского Союза относились прибалтийские государства и Бессарабия, по поводу которой было сказано: «С советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». В соответствии с этими договоренностями летом 1940 года последовал захват Красной Армией Бессарабии. Немцы лишь просили в случае вооруженного столкновения не бомбить румынские нефтепромыслы. Однако до этого дело не дошло, поскольку правительство Румынии согласилось на требования СССР, и с 28 июня по 3 июля советские войска заняли Бессарабию и Буковину. Еще менее шумно прошел ввод войск в Прибалтику, где часть латышских, литовских и эстонских дивизий даже стали соединениями Красной Армии.

Гитлер рассчитывал, что сообщение о подписании пакта в Москве заставит западные державы отступить. На следующий день после

триумфального возвращения фон Риббентропа в Берлин фюрер отдал приказ на наступление на Польшу. Пушки новой войны должны были загреметь утром следующего дня, 26 августа. Колесики немецкой военной машины завертели в нарастающем темпе. Абверкоманда доктора Херцнера получила задание заранее захватить Яблунковский перевал и не допустить взрыва тоннеля на дороге в Краков. Немецкие диверсанты просочились в горы сразу после получения в штабах приказа о наступлении. Однако, вопреки ожиданиям германской верхушки, позиция Великобритании и Франции осталась незыблемой. Более того, в тот же час, когда Гитлер привел в движение свои войска, Галифаксом и польским послом Рачиньским в Лондоне было подписано соглашение о военной взаимопомощи. Первым отступил Муссолини. Получив известия из Лондона, дуче официально объявил о своем отказе участвовать в войне. Обескураженный фюрер отменил приказ о нападении на Польшу уже в 20 часов 30 минут того же дня. Однако

Военный парад немецких войск в Берлине у Бранденбургских ворот. На переднем плане танки PzKpfw I Ausf. B и их экипажи

злосчастная абверкоманда в горах «стоп-приказа» уже не получила. Рано утром 26 августа диверсионный отряд выполнил задание – захватил перевал, охрана тоннеля была заперта в железнодорожном пакгаузе. К вечеру, не дождавшись прибытия частей Вермахта, Херцнер и его люди были вынуждены уйти в горы. Если бы эта вылазка немецких диверсантов стала широко известной, то Вторая Мировая война могла начаться совсем по-другому.

Собственно утверждения о том, что Пакт Молотова–Риббентропа стал спусковым крючком Второй Мировой, должны были начинаться на этом эпизоде и на нем же заканчиваться, поскольку никакого изменения позиций главных действующих лиц не произошло. Из Лондона Берлину четко указывалось, что платой за вторжение в Польшу будет война с Великобританией и Францией. Гитлер услышал это предупреждение, отменив свой приказ. Вновь начался замысловатый дипломатический танец с обменом меморандумами, нотами, заявлениями и дипломатическими встречами.

Однако решение фюрером было уже принято. В ходе обсуждения плана войны с Польшей в Оберзальцберге еще 22 августа он говорил: «Англия и Франция примут контрмеры, и это следует выдержать. Развертывание войск на Западе начинается». К войне на два фронта Гитлер был готов. Ситуация вернулась на исходные позиции апреля 1939 года, когда германским Генеральным штабом были подготовлены документы по плану «Вайс» («Weiß») – вторжению в Польшу. Потерпела крах как попытка Германии шокировать союзников пактом с СССР, так и попытка британцев и французов напугать Гитлера декларативным союзническим соглашением со Сталиным без обязательств. Трудно сказать, готовы ли были союзники к полноценному военному союзу с Советским Союзом. Ответ, пожалуй, будет отрицательным. Главную роль здесь играла их недооценка военного потенциала СССР. Заключение пакта не было вынужденной мерой и с советской стороны, поскольку непосредственная военная угроза со стороны Третьего

Раздел сфер интересов в Восточной Европе по секретному дополнительному протоколу к пакту Молотова–Риббентропа. Слева – предполагаемый по протоколу от 23 августа 1939 г., справа – фактический

